

УДК 903/904 (574.3).638

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-22-31

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович,
Института археологии им. А.Х.Маргулана., Алматы,
Казахстан
azbeisenov@mail.ru

BEISENOV Arman Z.,
Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan,
Almaty, Kazakhstan
azbeisenov@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE PERIOD OF THE EARLY IRON AGE

В изучении культуры населения Центрального Казахстана эпохи раннего железа в настоящее время значительно расширена источниковедческая база, включающая как ранее известные материалы, так и данные новейших исследований. По сакской эпохе на основе данных около 200 погребений изучаются погребальный обряд и предметные комплексы. Открыты не менее 50 поселений, на ряде которых проведены раскопки, впервые стали известны также каменные изваяния. Получены новые данные палеоантропологических изысканий. Указанные категории памятников рассматриваются в рамках тасмолинской культуры (VIII–V вв. до н.э.). Менее изучены памятники гунно-сарматского времени. В целом новые материалы дают основание подчеркнуть значительную этнокультурную близость региона к синхронным культурным образованиям восточного ареала степной Евразии. Примерно в IV в. до н.э. на территории восточной части Центрального Казахстана происходит смена культур. По погребальному обряду памятники коргантасского этапа (IV–II вв. до н.э.) демонстрируют связь с восточными районами Центральной Азии. На сегодняшний день исследовано 30 погребений этого времени. Антропологические данные показали, что малочисленные группы коргантасского этапа появились не в результате прямой миграции, а являются потомками смешанного населения.

Today, the studies of culture of Central Kazakhstan of early Iron Age have considerably expanded the range of studied sources including both previously known materials and data from the latest researches. The funeral rites and subject complexes of the Saks epoch were studied based on nearly 200 burials. Not less than 50 settlements have been discovered, on some of which archaeological excavations have been already carried out, stone statues were also revealed for the first time. New data have been obtained as a result of paleoanthropological researches. These categories of cultural sites are considered within the frame of Tasmola culture (VIII–V centuries B.C.). Monuments of the Hun-Sarmatian period are less studied. In general, new materials show the ethno-cultural similarity of the region to the synchronous cultural formations of the eastern area of the steppe Eurasia. In the IV century B.C. on the eastern territory of Central Kazakhstan there was a change of cultures. Funeral ceremonies and monuments of Korgantas period (IV–II centuries B.C.) demonstrate the relationships with eastern regions of Central Asia. At present time 30 graves of that period are investigated. Anthropological data show that small groups of Korgantas period were not a result of direct migration; they were descendants of mixed population.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, ранний железный век, тасмолинская культура, поселение, керамика, курган, радиоуглеродный анализ.

Key words: Central Kazakstan, early Iron Age, Tasmola culture, settlement, ceramics, kurgan, radiocarbon analysis.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Казахстана, проект 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии»

Acknowledgement: The research has been carried out with financial support of the Committee for Science of the Ministry of Education and Science of Kazakhstan, Project 2982/ГФ4 "Saryarka in the system of cultures of the early Iron Age in the Steppe Eurasia"

В 1950–1980 гг. в Казахстане археологами был получен большой объем источников по культуре сакской эпохи. Комплекс научных данных из таких памятников, как Бесшатыр, Иссык, Майемер, Шиликты, Тасмола, Уйгарак, позволил уже тогда выявить многие стороны удивительной и многогранной культуры саков Казахстана. Наряду с материалами, полученными учеными России, Украины, Китая, стран Европы и Америки на территории ряда сопредельных регионов, эти данные послужили основой в создании содержательных научно-теоретических разработок по данной проблеме.

В течение последних 20 лет в Казахстане были открыты новые яркие памятники сакской эпохи. Разработки сакской тематики, как и многие другие направления археологической науки, получили новый импульс.

К настоящему времени новые высокоинформативные материалы получены в таких памятниках сакского периода, как Берел, Шиликты, Талды-2, Жалаулы, открываются новые интересные могильники, поселения, петроглифы [4; 24; 29; 34]. Многосторонние связи культуры саков Казахстана выявляются и на материалах таких выдающихся памятников сопредельных регионов, как Аржан и Аржан-2 в Туве, Кичигино на Южном Урале и др. [19; 27; 38].

Первые работы по фиксации памятников раннего железного века Центрального Казахстана проводил выдающийся казахский ученый Алькей (Аликей) Хаканович Маргулан, исследо-

вания которого на этой территории начались во второй половине 1940-х гг. Его начинания продолжил в середине 1950-х гг. замечательный исследователь Центрального Казахстана Мир Касымович Кадырбаев. Именно он к середине 1960-х гг. открыл и блестяще охарактеризовал тасмолинскую археологическую культуру [20, с. 303-433], памятники которой широко распространены на территории Центрального Казахстана.

В те годы открытие новой культуры знаменовало важный прорыв в археологии Казахстана. Особенно это было важно, если учесть полную неисследованность территории Центрального Казахстана в отношении раннего железного века. М.К. Кадырбаев в своей работе тщательно проанализировал погребальные сооружения, предметы материальной культуры, которые были положены в могилы древних кочевников [20, с. 303-433; 21, с. 21-36; 22, с.25-45; 23, с. 127-132]. Его разработка предметов конской сбруи, вооружения, быта хорошо вписалась в общий контекст археологического изучения населения сакской эпохи степной Евразии. Результатом этой работы стало включение материалов Центрального Казахстана и выводов, сделанных на их основе, в общий процесс Евразийской скифологии. Таким образом, именно благодаря усилиям М.К. Кадырбаева тасмолинская культура Центрального Казахстана стала неотъемлемой частью науки скифологии в Азии и Европе.

Мир Кадырбаев по отношению к восточному ареалу степных культур предложил термин «сакская культурная общность» [20, с. 401]. Ядром сакской общности он считал племена Казахстана и Алтая. По его мнению, сходство и близость культур объясняется их общей основой, при этом существуют локальные варианты культурных комплексов. Предполагая существование в раннесакскую эпоху единой культурно-исторической общности, М.К. Кадырбаев такие региональные комплексы (культуры), как Тасмола, Майемер, Уйгарак и др., рассматривал в качестве археологических культур «второго порядка» [21, с. 36]. Несмотря на то, что с момента открытия тасмолинской культуры прошло более полувека, задачи, поставленные М.К. Кадырбаевым, актуальны и сегодня.

В настоящее время автором получен значительный объем новых данных по тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Впервые открыты поселения, относящиеся к сакской эпохе. Стали изучаться большие курганы, являющиеся местами захоронения сакской элиты. Надо отметить, что именно из больших курганов происходят новые предметы сакского искусства.

В настоящее время по Центральному Казахстану всего в свод погребальных объектов вошли около 200 курганов из примерно 70 могильников.

По состоянию на осень 2015 г. на территории восточной части Центрального Казахстана открыты не менее 50 поселенческих объектов раннесакского времени. Основная масса их открыта в ходе полевых исследований автора. Раскопки с участием автора проводились на 10 поселениях. Археологические данные, имеющие отношение к характеристике поселений, уже приводились в ряде публикаций [8, с. 35-41; 9, с. 92-102; 10, с. 170-178]. Поэтому вкратце рассмотрим лишь некоторые главнейшие моменты.

1) Топография и планиграфия. Поселения расположены на склонах, а чаще всего на верхних склонах каменистых возвышенностей. Точки расположения всегда связаны с южной или юго-восточной экспозициями. Характерна усадебная, «скупенная» планиграфия, когда жилая часть (жилые части) дома и хозяйственные постройки сплетаются в одну систему. Такое наблюдается для относительно крупных жилищно-хозяйственных комплексов. Площадь, занимаемая поселением Сарыбуйрат, достигает 10 000 кв. м, что очень редко. Довольно крупным является раскопанный в 2015 г. жилищно-хозяйственный комплекс на поселении Керекетас-2 (рис. 1). Масса поселений представлена всего лишь несколькими строениями. Это были, по-видимому, приземистые строения с мощным каменным основанием, представлявшим нижнюю часть стены.

Рис. 1. Поселение Керегетас-2.

Fig. 1. The Settlement Keregetas-2.

2) Керамика и каменные орудия. Они представляют основные категории находок. Следует отметить, что по сравнению с поселениями эпохи бронзы, раскопанными на территории региона, керамики на наших поселениях мало. Изучение полученного объема керамики дает достаточно оснований для выделения ее от посуды поселений поздней и финальной бронзы в качестве отдельного самостоятельного комплекса. Позволяют прийти к такому выводу и результаты сравнения ее с опубликованными керамическими комплексами поселений раннего железного века других регионов распространения сакских культур (Северный Казахстан, Алтай и др.). Плоскодонные сосуды (рис. 2, 1- 7) включают два ведущих типа – банки и горшки. Количество банок примерно равно количеству горшков, иногда банок больше. Найдены сосуды с носиками и сливами, ручками, ушками. Встречены небольшие чашки. Основной орнамент состоит из ряда «жемчужин», глубоких ямок, вдавлений, которые располагаются по венчикам. Венчики оформлены разнообразно: уплощенные, закругленные, грибовидные, с карнизом, утолщенные, желобчатые и др. Каменные орудия представлены зернотерками и курантами, мотыгами (рис. 2, 8 - 10), различными терочниками, скреблами.

3) Место поселений в культуре населения региона. Многие аспекты здесь требуют отдельного рассмотрения. Выявленные к сегодняшнему дню поселения, особенно если опираться на раскопочные материалы, имеют облик однослойных, с незначительным культурным слоем. Их не можем рассматривать в качестве долговременных, скорее, это поселки для временного проживания в определенные периоды года. Напрашивается вывод считать их зимниками, для чего есть несколько важных причин. Помимо незначительности культурного слоя и скудности находок, важными показателями являются особенности топографии поселений и планировки. Устройство небольших поселков вдали от речных побережий, где традиционно располагаются жилища эпохи бронзы, укрытость их в районах возвышенностей, применение большого количе-

ства камня в широких основаниях стен, скученная застройка – все это говорит о факте того, что жители находились в условиях необходимости усиленной защиты от непогоды, от холода, ветров и снега. Наконец, этнографические данные напрямую указывают на те же самые обстоятельства. Рассматриваемые поселения были найдены в ходе поисков по следам казахских зимников (кыстау). Уже первый этап поисковых работ (в 2000–2001 гг.) показал, что данные поселения находятся всегда в районах расположения старых казахских зимников, на тех же топографических точках. На основании анализа керамики и их аналогии с материалами Алтая дата поселений определена в рамках VII–VI (V) вв. до н.э. Из металлических изделий найдены бронзовый нож, подпружная пряжка раннесакского облика. При датировке рассмотренных поселений взят в учет факт нахождения К.А. Акишевым и М.К. Хабдулиной в культурном слое поселения сакской эпохи Таскора (Акмолинская область) бронзового черешкового наконечника стрелы раннесакского времени [31, рис. 12, -8]. Отметим, что полученные радиоуглеродные даты подтверждают предложенную датировку. Разумеется, многие вопросы, связанные с данными поселениями, требуют дальнейшей разработки.

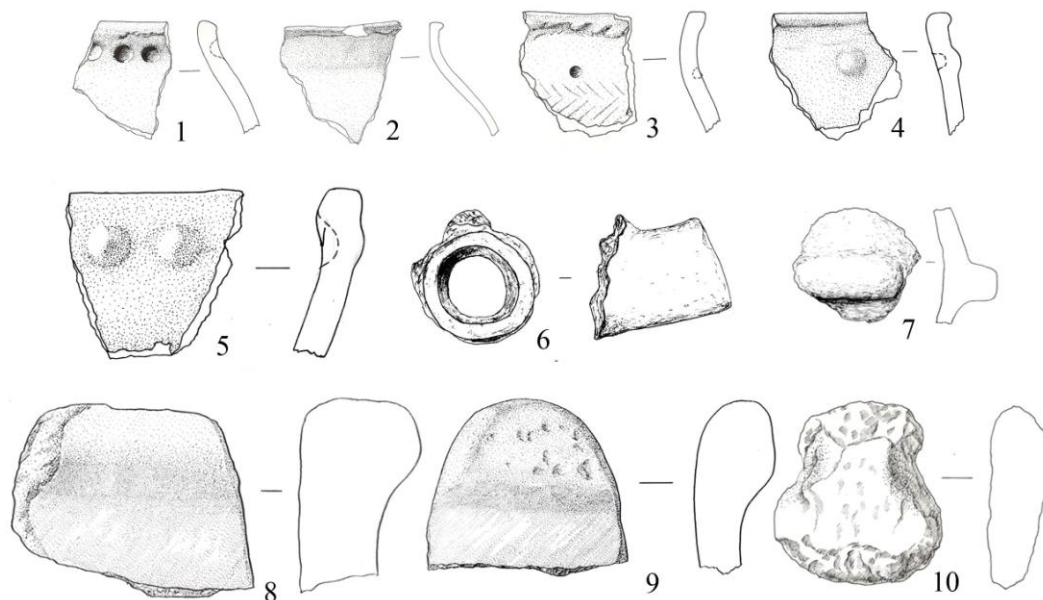

Рис. 2. Фрагменты керамики и каменные орудия из поселений.

1-5 – фрагменты горшков и банок; 6 – фрагмент сосуда со сливом; 7 – фрагмент сосуда с ручкой; 8-9 – обломки курантов; 10 – мотыга. Без масштаба

Fig. 2. Fragments of pottery and stone tools from the settlements.

1-5 – fragments of pots and jars; 6 – fragment of the vessel with drain; 7 – fragment of a vessel with a handle; 8-9 – the wreckage of the clock; 10 – hoe. Without a scale

Таким образом, в ходе новых исследований в источниковедческую базу темы вошла еще одна категория памятников – достаточно информативная и важная. Необходимо сделать одну оговорку, которая не должна выпадать из поля зрения исследователей в перспективных разработках нашей темы. Являются ли рассмотренные поселения единственным типом поселений сакской эпохи Центрального Казахстана? Вопрос имеет и следующее логическое продолжение: всех ли слоев общества касаются эти поселения? Ответы, надо думать, будут получены в ходе дальнейших исследований.

На основании имеющихся сегодня данных по поселениям сакской эпохи восточной части Центрального Казахстана мы не должны стремиться выработать единый стандарт. Такого не должно быть, если учесть разные экологические условия регионов Казахстана. Это важно учитывать, если иметь в виду факт открытия поселений сакского времени в Жетысу (Семиречье), в Северном Казахстане, на Алтае [5, с. 3-25; 6, с. 53-65; 30; 31, с. 189-214; 32, с. 155-159]. Например, в Северном Казахстане, особенно в Жетысу, было больше возможностей ведения комплексного хозяйства. В районе восточной части Казахского мелкосопочника, где локализируют-

ся рассмотренные поселения, играл роль, в дополнение к климатическим условиям, и такой фактор, как более интенсивная специализация кочевого скотоводства.

Новые материалы из Центрального Казахстана, найденные в больших курганах могильников Талды-2, Карашоки, Шерубай и ряда других, в настоящее время позволяют более явно представить те или иные направления культурных связей. В раннесакский предметный комплекс все больше включаются предметы искусства, декора, выполненные с большим мастерством. Среди этих престижных изделий встречается немало стилистически весьма близких экземпляров, указывающих на существовавшие в древности тесные этнокультурные связи и контакты.

Как уже указывалось в ряде работ [34, р. 595-608; 35, р. 189-199; 37, р. 194-198], Центральный Казахстан находился в теснейших этнокультурных связях с районами Восточного Казахстана, всего Саяно-Алтая, Жетысу, Восточного Приаралья, Южного Урала. Особенно рельефно эти связи сейчас выступают в отношении восточного ареала, в направлении Саяно-Алтая. В будущем важно не бесконечное тиражирование высказанных многими специалистами мнений о наличии этих контактов, а по мере возможности конкретизация их.

В 1997 г. казахские археологи, крупные специалисты по сакской проблематике Кемаль и Алишер Акишевы, выдвинули тезис о «полосе гор» как об особой этнокультурной территории, где существовали близкие между собой культуры сакского типа [2, с. 30-37]. В «полосу гор» входят Жетысу (Семиречье), Алтай, Тува, Минусинская котловина, Иссык-Куль. Указанными учеными для «полосы гор» были рассмотрены природно-климатический и ландшафтный фактор, культурно-хозяйственный тип, виды погребальных сооружений и предметы материальной культуры и их принципиальное сходство. На основании таких факторов «полоса гор» выделена как особая географическая, экологическая и этнокультурная область, которая имела тесные связи с Приаральем, другими регионами Центральной Азии.

В настоящее время в свете новейших данных следует отметить близость Центрального Казахстана к указанной этнокультурной области «полосы гор».

После открытия курганов Талды-2 и ряда близких им памятников [11] в Центральном Казахстане снова актуализировалась тема связей этого региона с далекой Тувой – в контексте изучения материалов Аржана-2.

В 2015 г. начаты исследования могильника Байке-2 в Центральном Казахстане, материалы которого снова возвращают нас к теме Аржана-2. В составе могильника был раскопан курган №3 с каменной насыпью, имеющей диаметр 8,5 м и высоту до 0,4 м. Эти параметры относятся к сегодняшнему облику кургана, с поверхности которого в 1970–1980-х гг. осуществлялась выборка камней для строительных нужд. В центральной части, под каменным надмогильным сооружением в виде выкладки размерами 3,5х2,5х0,2 м, вскрыта грунтовая могильная яма, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. На дне потревоженной грабителями могилы (глуб. 1,7 м) найден неполный костяк человека. Ориентация – черепом на ЗЮЗ. Со скелетом найдены точильный камень, пастовые бусы, чуть выше – костяная шпилька «типа Аржана-2» (рис. 3).

Следует отметить, что тезис о «полосе гор» безусловно возвращает нас к высказанным идеям М.К. Кадырбаева «о сакской общности», по отношению к которой отдельные культуры должны выступать в качестве «культур второго порядка» [21, с. 36]. Заметим, что мысль была высказана в печати в 1968 г., когда не было многих обобщающих монографий и сборников по Саяно-Алтаю и другим регионам, увидевших свет впоследствии. Это было время, когда в археологии складывалась тенденция хорошего тона, мода не сближать и объединять культурные комплексы (культуры), а, напротив, повсеместно выделять отдельные археологические культуры.

Разумеется, сказанное не умаляет значение тех или иных исследовательских подходов, направленных на вскрытие конкретного содержания этнокультурных контактов близких или далеких друг от друга регионов. В этом контексте остаются неясными таковые связи между Тасмолы и Алдыбелем.

Рис. 3. Раннесакский культурный комплекс.

1 – костяная шпилька из кургана № 3 могильника Байке-2. Центральный Казахстан; 2 – золотая шпилька из кургана Аржан-2. Тува

Fig. 3. Rannesaksky cultural complex.

1 – a bone pin from mound No. 3 of the boneyard Bike-2. Central Kazakhstan; 2 – gold hairpin from the Kurgan Arzhan-2. Tuva

В течение последних пяти лет автором были получены несколько десятков радиоуглеродных дат по памятникам раннего железного века Центрального Казахстана. В том числе около 30 дат получены по курганным захоронениям тасмолинской культуры. Частично эти данные опубликованы, общие результаты в ближайшем будущем увидят свет. Разрабатываемая сейчас периодизация Тасмолы основывается на археологических и радиоуглеродных данных. Здесь уместно отметить тот факт, что, по имеющимся данным, среди новых памятников тасмолинской культуры четко выделяется группа погребений VIII в. до н.э. На первом месте стоят погребения и жертвенники могильника Бакыбулак. Из двух курганов полученные даты указали на период, охватывающий рубеж IX–VIII вв. и VIII в. до н.э. Трасологический анализ (канд. ист. наук Е.А. Шаблавина, Госэрмитаж) предметов конской сбруи из жертвенников, находящихся вблизи этих же курганов, показал, что эти изделия были отлиты по аржано-черногоровскому методу [17, с. 105-112]. Недавно С.В. Хавриным (Госэрмитаж) был изучен состав металлических предметов тасмолинской культуры (материал в печати). Результаты позволили выделить из общей массы изделий оловянистых бронз небольшую группу мышьяковистых бронз, в числе которых оказались эти же предметы конского снаряжения из Бакыбулака. Отметим, что эти данные (трасология, состав) снова указывают на связи Тасмолы с Алдыбелем (Аржан).

В целом мнение специалистов о периоде конца IX–VIII вв. до н.э., как о начале существования культур скифо-сакского круга Евразии [1, с. 38-68; 3, табл. 1, табл. 2; 18; 28] подтверждается и на материалах Тасмолы.

Завершается работа по палеоантропологии. Краниологический свод охватил данные около 60 индивидов (монографическое исследование готовится к печати). По мнению антропологов (А.О. Исмагулова, Е.П. Китов), тасмолинское население представляет собой, по-видимому, потомков метисированных групп. Монголоидные компоненты появляются на раннем этапе существования культуры. Интересными оказались факты наличия трепанационных отверстий, выявленных на затылочной части черепов. Среди новой коллекции из раскопок автора трепанации имеются на 11 черепках, также два случая описаны в ранних материалах по Центральному Казахстану. Среди 13 черепов убедительно выделен один женский череп (Бирлик, к. 25). Один череп принадлежал ребенку, приблизительно годовалому (погребение подверглось большому ограблению, череп взрослого не сохранился). Все остальные 11 черепов принадлежали мужчинам. Трепанационные отверстия небольшие, диаметром около 1 см. Количество их – от одного до 15. По мнению канд. ист. наук Е.П. Китова (ИЭА РАН), к прижизненной трепанации относится лишь один случай – женский череп. В данном случае трепанация могла быть сделана в лечебных целях. Во всех остальных случаях трепанации выполнены после смерти индивида, возможно, для введения консервирующего состава или для свободного вытекания разлагающихся тканей. По одной гипотезе, такие посмертные трепанации делались у саков Центрального Казахстана с целью сохранения тела до момента погребения. Интересно, что и некоторые

этнографические данные указывают на существование традиции хранить тело до погребения [12, с. 87-90; 14, с. 31-41; 15, с. 37-48; 16, с. 71-85].

В Центральном Казахстане найдены каменные изваяния сакского времени, пять из которых обнаружены автором в ходе работ последних лет [13, с. 36-40]. Вообще, по данным специалиста по древним и средневековым изваяниям Казахстана Л.Н. Ермоленко, в Центральном Казахстане известны около 20 камней, которые по современным данным могут быть отнесены к раннему железному веку. Изваяния связаны с курганами, иначе говоря, с местами, где выполнялись погребально-поминальные процессии. Можно сказать, что по своей семантике изваяния сакской эпохи должны быть близки к средневековым аналогам. Они также свидетельствуют о статусе героизированных предков и занимают важное место в исследовании мировоззрения древних сакских народов. У ряда изваяний сакского времени Центрального Казахстана имеется на голове «шишкообразный выступ», сопоставимый с чубом. В культуре степных кочевников такое явление не редкость. В этнографии казахов известны такие прически, как «кекил» и «ай-дар» (в первом случае оставленные волосы ниспадают вперед, на лоб, во втором – более длинная прядь от макушки ниспадает назад). У казахов в силу исламских традиций оба вида прически стали детскими, вообще они широко известны в этнографии многих тюркских народов [11, с. 139-140], а впоследствии в виде чуба украшали головы украинских казаков.

Тасмолинская культура Центрального Казахстана, по мнению специалистов, представляла ядро большой тасмолинской историко-культурной общности, куда входили также население Северного Казахстана и группы Южного Зауралья [26; 30].

Памятники тасмолинской культуры Центрального Казахстана в целом датируются в рамках VIII–V вв. до н.э., возможно, незначительное количество памятников «заходит» в IV в. до н.э., что требует специального и отдельного рассмотрения.

Примерно с IV в. до н.э. в восточных районах Центрального Казахстана памятники Тасмолы сменяются погребениями коргантасского типа, выделенного автором в 1995 г. [7, с. 55-61]. Сейчас в регионе известно около 30 памятников рассматриваемого типа, дата которых определена в рамках IV–II вв. до н.э. Главнейшими особенностями обряда нового населения являются восточная (с отклонениями) ориентировка умерших и наличие особого головного жертвенника с черепами домашних животных. Автор связал появление коргантасских погребений с приходом нового населения из восточных районов Центральной Азии, в частности ранних групп хуннского (сюнну) круга. В дальнейшем ряд специалистов также высказали мысли о восточном происхождении памятников [25, с. 182-199; 33, с. 117-120]. Специалисты обратили внимание на наличие такого рода памятников на Саяно-Алтае, где они датируются более ранним периодом – начиная с середины VI в. до н.э. Если основная рабочая гипотеза была о прямой миграции, то К.В. Чугунов и П.И. Шульга рассматривали их появление в другом свете. По К.В. Чугунову, это была не миграция населения, а распространение самого обряда, ритуала. П.И. Шульга считает, что на Саяно-Алтае погребения коргантасского типа «оставлены потомками малочисленных групп ассимилированных мигрантов», сохранивших некоторые особенности в погребальном обряде и инвентаре» [33, с. 118]. В настоящее время изучена серия из 15 черепов коргантасского времени [36, р. 585-591], данные которых характеризуют эту группу как метисированную, смешанного расового типа. Это обстоятельство в целом позволяет принять точку зрения П.И. Шульги.

За пределами нашего рассмотрения осталась такая категория памятников, как небезызвестные курганы с «усами», огромное количество которых находится в Центральном Казахстане. По состоянию на осень 2015 г. число точно документированных объектов (с координатами) только по Карагандинской области перевалило за 270. Настоятельной проблемой для данной категории является определение их культурно-хронологической принадлежности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978.
2. Акишев К.А., Акишев А.К. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. – Туркестан, 1997.
3. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. – СПб., 2003.
4. Археология Казахстана / Книга-альбом. – Алматы, 2006.
5. Байпаков К.М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – Алматы, 2008. – №1 (254).
6. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений раннего железного века в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – Алматы, 2001. – № 1 (230).
7. Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тысячелетия до н. э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). – Алматы, 1995.

8. Бейсенов А.З. Поселение Тагыбайбулак в Центральном Казахстане. Известия Алтайского Государственного Университета. – Барнаул, 2014. – № 4-1 (84).
9. Бейсенов А.З. Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана. Записки Института истории материальной культуры. – СПб., 2014. – № 9.
10. Бейсенов А.З. Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник Восточного экономико-гуманитарного университета. – Уфа, 2014. – № 6 (74).
11. Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки / Книга-альбом. – Алматы, 2014. (на казах., русск., англ. яз.).
12. Бейсенов А.З. Об использовании данных казахской этнографии в археологических исследованиях // Материалы международной научной конференции «II Аргынбаевские чтения». – Алматы, 2014.
13. Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник КемГУ. – 2014. – №3 (59). – Т. 3.
14. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. – Барнаул, 2014. – № 4-2 (84).
15. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Череп с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник Московского государственного университета. Серия. XXIII. Антропология. – М., 2015. – № 1.
16. Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды-II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. – Волгоград, 2014. – № 4 (28).
17. Бейсенов А.З., Шаблакина Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2015. – № 4.
18. Брумяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). – Кишинев, 2005.
19. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л., 1980.
20. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры / Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К. Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
21. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968.
22. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974.
23. Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.
24. Самашев З. Берел. Berel. – Алматы, 2011.
25. Таиров А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны / Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2006.
26. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. – Челябинск, 2007.
27. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М., 2010.
28. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул, 2007.
29. Толубаев А.Т. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау / Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). – Алматы, 2011.
30. Хабдулина М.К. Степное Пришимье в эпоху раннего железа. – Алматы, 1994.
31. Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Том 1. Древние эпохи. – Астана, 2003.
32. Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска / Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991.
33. Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа / Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011.
34. Beisenov A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasien / Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. II. Bochum, 2013. (на нем. яз.).
35. Beisenov A. Central Kazakhstan in the system of Early Iron Age Cultures of the Steppe Eurasia. // Exchange between the East and the West and Altai. Proceedings of the International Conference. Gachon University. Seongnam. – Korea, 2015.
36. Beisenov A., Kitov I. Craniological materials from burials of second half of the I millenium BC in Central Kazakhstan. – Huhhot, 2015.
37. Beisenov A.Z., Zhumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Kassenalin A.E. // The world of images in the art of the ancient population of the Central Kazakhstan (1 millennium BC) // 2nd World Conference on Design, Arts and Education (DAE-2013) Book Series: Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2014. – No.122.
38. Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. (на нем. яз.).

REFERENCES

1. Akishev K.A., Akishev A.K. Problems of the chronology of the early stage of the Saka culture. [Problema hronologii ran-nego jetapa sakskoj kul'tury]. Archaeological monuments of Kazakhstan. Almaty. 1978. (in Russian).
2. Akishev K.A., Akishev A.K. Zhetyssu Sakas: society and culture. [Saki Zhetyssu: obshchestvo i kultura]. Archaeological news. Turkestan. 1997. (in Russian).
3. Alekseev A.Yu. Chorography of European Scythia of VII–IV cc. BC. [Hronografija Evropejskoj Skifii VII–IV vekov do n.je.]. Sankt-Peterburg. 2003. (in Russian).

4. Archaeology of Kazakhstan. [Arheologija Kazahstana]. Album. Almaty. 2006. (in Russian).
5. Baipakov K.M. City and steppe in ancient times: Zhetysu Saka and Usun's sedentary farming. [Gorod i step' v drevnosti: osedlost' i zemledelie u sakov i usunej Zhetysu]. Proceedings of National Academy of Sciences of Kazakhstan. Ser. social sciences. Almaty. 2008. №1 (254). (in Russian).
6. Baipakov K.M., Maryashev A.N. New data for the study of the early Iron Age settlements in Zhetysu. [Novye dannye po izucheniju poselenij rannego zheleznogo veka v Zhetysu]. Proceedings of National Academy of Sciences of Kazakhstan. Ser. societies. Sciences. Almaty. 2001. №1 (230). (in Russian).
7. Beisenov A.Z. On the issue of allocation of Korgontass monuments in East Sary-Arka (the second half - the end I millennium BC.). [K voprosu o vydelenii pamjatnikov korgantasskogo tipa v Vostochnoj Saryarke (vtoraja polovina – konec I tysjacheletija do n. je.)]. Ethno-cultural processes on the territory of Kazakhstan (Antiquity, Middle Ages, Modern Times). Almaty. 1995. (in Russian).
8. Beisenov A.Z. Settlement Tagybaybulak in Central Kazakhstan. [Poselenie Tagybaybulak v Central'nom Kazahstane]. News of Altai State University. Barnaul. 2014. №4-1 (84). (in Russian).
9. Beisenov A.Z. Settlements of the early Saka time in Central Kazakhstan. [Poselenija rannesakskogo vremeni Central'nogo Kazahstana]. Recordings of the Institute of History of Material Culture. Sankt-Peterburg. 2014. №9. (in Russian).
10. Beisenov A.Z. Environmental factor in settlements of the Saka time in Central Kazakhstan. [Jekologicheskij faktor v ustrojstve poselenij sakskogo vremeni v Central'nom Kazahstane]. Journal of the Eastern Economics and Humanities University. Ufa. 2014. №6 (74). (in Russian).
11. Beisenov A.Z. Ancient treasures of Saryarka. [Drevnie sokrovishha Saryarki]. Album. Almaty. 2014. (in Kazakh, Russian, English).
12. Beisenov A.Z. On the use of data Kazakh ethnography in archaeological research. [Ob ispol'zovanii dannyh kazahskoj jetnografii v arheologicheskikh issledovanijah]. Proceedings of the international scientific conference «II Argynbay readings». Almaty. 2014. (in Russian).
13. Beisenov A.Z., Yermolenko L.N. New stone sculptures of the Saka time in Saryarka. [Novye kamennye izvajaniya sakskogo vremeni iz Saryarki]. Herald of Kemerovo State University. 2014. №3 (59). V. 3. (in Russian).
14. Beisenov A.Z., Kitov I.P. Posthumous craniotomy in elite burials of the Saka era in Central Kazakhstan [Posmertnaja trepanacija cherepov v jelitnyh zahoronenijah sakskoj jepohi Central'nogo Kazahstana]. News of Altai State University. Barnaul. 2014. №4-2 (84). (in Russian).
15. Beisenov A.Z., Kitov I.P. Trepanned skulls from the early Iron Age from the burial mound Saryarki. [Cherepa s trepanacijami iz kurganov rannego zheleznogo veka Saryarki]. Herald of Moscow State University. Series XXIII. Anthropology. Moscow. 2015. № 1. (in Russian).
16. Beisenov A.Z., Kitov I.P. Burial of Tasmola culture Taldy-II in Central Kazakhstan (craniological analysis). [Mogil'nik Tasmolinskoj kul'tury Taldy-II v Central'nom Kazahstane (kraniologicheskij analiz)]. Herald of Volgograd State University 4. Series history. Volgograd. 2014. № 4 (28). (in Russian).
17. Beisenov A.Z., Shablavina I.A. Peculiarities of casting saddlery objects in Tasmola Culture. [Osobennosti lit'ja predmetov konskogo snarjazhenija tasmolinskoj kul'tury]. Herald of Tomsk State University. History. Tomsk. 2015. №4. (in Russian).
18. Bruyako I.V. Early nomads in Europe. [Rannie kochevniki v Evrope] (XV c. BC). Chisinau. 2005. (in Russian).
19. Gryaznov M.P. Arzhan. Royal kurgan of the early Scythian time. [Arzhan. Carskij kurgan ranneskifskogo vremeni]. Leningrad. 1980. (in Russian).
20. Kadyrbaev M.K. Monuments of Tasmola Culture. [Pamjatniki tasmolinskoj kul'tury]. Margulan A.Kh, Akishev K.A., Kadyrbaev M.K. Orazbayev A.M. Ancient culture of Central Kazakhstan. Almaty. 1966. (in Russian).
21. Kadyrbaev M.K. Some results and prospects of studying the early Iron Age archeology of Kazakhstan. [Nekotorye itogi i perspektivy izuchenija arheologii rannego zheleznogo veka Kazahstana]. New in archeology of Kazakhstan. Almaty. 1968. (in Russian).
22. Kadyrbaev M.K. Burial Zhilandy on the river Nura. [Mogil'nik Zhilandy na reke Nure]. Back to history. Almaty. 1974. (in Russian).
23. Kadyrbaev M.K. Kurgans of Kotanemel. [Kurgany Kotanjemelja]. Prehistoric archeology of Siberia. Leningrad. 1975. (in Russian).
24. Samashev Z. Berel [Berel]. Almaty. 2011. (in Russian).
25. Tairov A.D. Monuments of "Korgantass type": a different view [Pamjatniki «korgantasskogo tipa»: vzgljad so storony]. Study of archaeological monuments of Pavlodar region. Pavlodar. 2006. (in Russian).
26. Tairov A.D. Nomads of Ural-Kazakhstan steppes in the VII-VI cc. BC. [Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepej v VII-VI vv. do n. je.]. Chelyabinsk. 2007. (in Russian).
27. Tairov A.D., Botalov S.G. Burial of the Saka time of the cemetery Kichigin I in South Ural. [Pogrebenie sakskogo vremeni mogil'nika Kichigino I v Juzhnom Zaural'e]. Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories. Moscow. 2010. (in Russian).
28. Tishkin A.A. Making periodization, cultural and chronological schemes: historical experience and modern concept of the study of ancient and medieval people of Altai. [Sozdanie periodizacionnyh i kul'turno-hronologicheskikh shem: istoricheskij opyt i sovremennaja koncepcija izuchenija drevnih i srednevekovyh narodov Altaja]. Barnaul. 2007. (in Russian).
29. Toleubaev A.T. Results of research of monuments of early Iron Age Tarbagatai and Zhetysu Alatau. [Itogi issledovanij pamjatnikov rannego zheleznogo veka Tarbagataja i Zhetysuskogo Alatau]. Witnesses of centuries: Archaeological Science of Kazakhstan for 20 years (1991-2011). Almaty. 2011. (in Russian).
30. Habbudin M.K. Steppe Ishim in the early Iron Age. [Stepnoe Prishim'e v jepohu rannego zheleza]. Almaty. 1994. (in Russian).

31. 31. Habdulina M.K. Settlements of the early Saka time on the river Selety. [Poselenija rannesakskogo vremeni na r. Selety]. Steppe civilization of Eastern Eurasia. Volume 1. Ancient era. Astana. 2003. (in Russian).
32. 32. Shulga P.I. The topography of the ancient settlement of Gorny Altai and methods of their search. [Topografija drevnih poselenij Gornogo Altaja i metodika ih poiska]. Safety and investigation of archeological monuments of Altai. Barnaul. 1991. (in Russian).
33. 33. Shulga P.I. On graves of Korgantass type. [O zahoronenijah korgantasskogo tipa]. Saka culture of Saryarka in the context of the study ethno-socio-cultural processes in Eurasian steppe. Karaganda. 2011. (in Russian).
34. 34. Beisenov A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasiens. Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. II. Bochum. 2013. (in German).
35. 35. Beisenov A. Central Kazakhstan in the system of Early Iron Age Cultures of the Steppe Eurasia. Exchage between the East and the West and Altai. Proceedings of the International Conference. Gachon University. Seongnam. Korea. 2015. (in English).
36. 36. Beisenov Arman, Kitov legor. Craniologlcal materials from burials of second half of the I millenium BC in Central Kazakhstan. Ancient cultures of the nortern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huhhot. 2015. (in English).
37. 37. Beisenov A.Z., Zhumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Kassenalin A.E. The world of images in the art of the ancient population of the Central Kazakhstan (1 millennium BC). 2ND WORLD CONFERENCE ON DESIGN, ARTS AND EDUCATION (DAE-2013) Book Series: Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. No.122. (in English).
38. 38. Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2010. (in German).

Информация об авторе

Бейсенов Арман Зияденович, - кандидат исторических наук, заведующий отделом Перво-бытной археологии Института археологии им. А.Х.Маргулана., Алматы, Казахстан
azbeisenov@mail.ru

Получена: 03.11.2015

Для цитирования статьи: Бейсенов А. З., Центральный Казахстан в раннем железном веке. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №6. Часть 2. с- doi-

Information about the author

Beisenov Arman Z., Candidate in Historical Sciences, Head of the Department for Prehistoric Archaeology, Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan.
azbeisenov@mail.ru

Received: 03.11.2015

For article citation: Beisenov A. Z., Central Kazakhstan in the period of the early iron age. [Tsentral'nyy Kazakhstan v rannem zheleznom veke]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 6 vol-2. Pp. - . doi: